

4. Даль В. Толковый словарь живаго великорускаго языка: В 4-х т. Т.4/Владимир Даль. – СПб. – М.: Тип. М.О.Вальфа, 1882.- 704с.
5. Новітній філософський словник, 2004//Склав А.А. Грицанов. Електронний ресурс/ А.А. Грицанов – Режим доступу: <http://kniga.scienceontheweb.net/noveyshiy-filosofskiy-slovar.html>.
6. Антоній. (Блум. Митрополит Сурожський). Шлюб та сім'я./Антоній. (Блум. Митрополит Сурожський). –К.: Пролог, 2014. – 197с.
7. Науково-практичний коментар Сімейного кодексу України. Електронний ресурс – Режим доступу: <http://legalexpert.in.ua/komkodeks/sku/>.
8. Електронний ресурс. – Режим доступу: https://studopedia.com.ua/1_307555_etapi-formuvannya-shlyubno-sImeynih-vIdnosin.html.
9. Сім'я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку. Монографія./Авторський колектив під керівництвом Е.М. Лібанової. – К.: ТОВ «Основа – Принт», 2009. – 248с.
10. Сімейний кодекс України № 2947-III від 10.01.2002. Зі всіма змінами та доповненнями станом на 17.05.2017р. Електронний ресурс – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2947-14>.

Кучерук Олег Алексеевич - кандидат философских наук, преподаватель Мореходного колледжа технического флота Национального университета «Одесская морская академия»

УДК 130.122 + 133.4 +304.4

ГЛОБАЛИЗАЦІЯ В ФОРМУВАННІ ЦІННОСТНОГО МИРООЩУЦЕННЯ ПОСТІНДУСТРІАЛЬНОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ

В статті говориться про те, що глобалізація являє собою один з дійсних механізмів формування ціннісного соціокультурного простору постіндустріальної цивілізації. Вона історично в тій чи іншій ступені демонструвала свою актуальність і значимість. Функції і значення глобалізації досить складно інтерпретувати в деструктивному або конструктивно-змістовному ціннісному контексті. В тій чи іншій ступені вона демонструє в своєму суттєвому охопленні наявність як позитивних так і негативних компонентів. Одними з яскраво виражених елементів глобалізації є: економічна складова, споживання, аксіологічний плюралізм, розмиття традиційних контурів, загальна інформатизація. Відштовхуючись від прикладу масової популярності в світі східних єдиноборств можна говорити про глобальну інтеркультурну експансію. Також, в цій статті піднімається питання про досить тривожні атрибутивні тенденції сучасної глобалізації – фінансову закабаленість і міжнародну торгівлю людьми.

Ключові слова: глобалізація, культура, цінності, тенденції, східні єдиноборства, рабство, споживання.

ГЛОБАЛІЗАЦІЯ В ФОРМУВАННІ ЦІННОСТНОГО СВІТОВІДЧУТТЯ ПОСТІНДУСТРІАЛЬНОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ

У статті йдеться про те, що глобалізація являє собою один з дійсних механізмів формування ціннісного соціокультурного простору постіндустріальної цивілізації. Вона історично в тій чи іншій мірі демонструвала свою актуальність і значимість. Функції та значення глобалізації досить складно інтерпретувати в деструктивному або конструктивно-

змістовному ціннісному контексті. В тій чи іншій мірі вона демонструє в своєму сутнісному охопленні наявність як позитивних так і негативних компонентів. Одними з яскраво виражених елементів глобалізації є: економічна складова, споживання, аксіологічний плюралізм, розмиття традиційних контурів, загальна інформатизація. Відитовхуючись від прикладу масової популярності в світі східних єдиноборств можна говорити про глобальну інтеркультурну експансію. Також, в даній статті піднімається питання про досить тривожні атрибутивні тенденції сучасної глобалізації - фінансове закабалення і міжнародну торгівлю людьми.

Ключові слова: Глобалізація, культура, цінності, тенденції, східні єдиноборства, рабство, споживання.

GLOBALIZATION IN THE FORMATION OF VALUE ATTITUDE OF POST-INDUSTRIAL CIVILIZATION

The article says that globalization is one of the most effective mechanisms for the formation of a valuable socio-cultural space of a post-industrial civilization. Historically, it has demonstrated its relevance and significance to one degree or another. The functions and significance of globalization are rather difficult to interpret in a destructive or constructive and meaningful value context. In varying degrees, it demonstrates in its essential scope the presence of both positive and negative components. One of the most pronounced elements of globalization are: the economic component, consumption, axiological pluralism, blurring of traditional contours, universal informatization. Based on the example of mass popularity in the world of martial arts, we can talk about global intercultural expansion. Also, this article raises the question of the rather alarming attributive trends of modern globalization - financial enslavement and international human trafficking.

Keywords: Globalization, culture, values, trends, martial arts, slavery, consumption.

Глобалізація, як движущий механізм постіндустріальної цивілізації, являється феноменом, оказывающим подавляющее влияние на различные сферы социально – экономический, политической и культурно – религиозной жизни современного человека. Не менее значимым качеством ее многоуровневого функционирования есть аксиологическая трансформация современного социума в проявлениях культурной интернационализации, разрушении традиционных образцов культуры и при этом формировании мультикультурного пространства как социальной стратегии внедрения либерально-толерантных идей, идеалов и практик и т. п. В попытке выявления объективного статуса и потенциала указанного явления проводят свои творческие изыскания не малая когорта исследователей, тем не менее, на сегодняшний день данная проблема вызывает все более пристальный интерес, так как обнаружение закономерных и верифицируемых констант глобализации открывает возможность поиска эффективных регулятивно – прогностических инструментариев по преодолению кризисных проявлений XXI столетия.

В предложенном нами теоретическом обзоре феномена глобализации в модусе ее влияния на ценностное бытие постіндустріальної цивілізації фігурують такі дослідники як К. Бейлз [2], Ю. Пахомов [3], К. Соколов [6], Е. Сурова [4], М. Фишер [7], Н. Хренов [4], Р. Шапиро [8] и другие мыслители. Обозначенные ученые анализируют широкий пласт вопросов, освещающих те или иные аспекты интересующей нас проблемы. Среди них: концептуальная парадигма глобализации, статус идентичности в глобализованном мире, глобализация культурной сферы, капиталистический реализм постіндустріалізму, прогноз и моделирование будущих социокультурных конструкций в контексте глобализации и т.д. Однако тема, вынесенная в оглавление данной статьи, остается весьма и весьма перспективной для исследования, так как на данный момент все еще не имеет фундаментального и всестороннего теоретического охвата.

Глобалізація – це наша історія і реальність, побачити і осознати істини її зародження, розвитку і впливу на ціннісне буття постіндустріального людини є ключем до самоідентифікації, трезвому погляду на існуюче кризове становище нашого світу. Глобалізація – це новий культурний фон, виникаючий на основі всеобщого інформаційного співробітництва і взаємного впливу, формуючий універсальне суспільство, пропитане штучним єдинством і синтезованим ціннісним світоощуттям. У всепроникаючому і всеохоплюючому статусі описуваного феномена і криється його дослідницька актуальність.

Що ж є істиною глобалізації, її початковою точкою і нульовим числом? Пожальку, вся історія людської цивілізації носить в собі ті чи інші ознаки глобального зближення, асиміляції і аннігіляції світових культур. Можемо згадати спонтанно виниклу імперію Александра Македонського, завоювальні походи Чингісхана або хрестові походи. Підходящим буде згадати давньогрецьку колонізацію, пов'язану з освоєнням узбережжя Середземного і Чорного морів, формування давніх світових економічних транзитних магістралей, таких як шлях «із варягів до греків», Великий шовковий шлях або «внутрішню колонізацію» середньовіччя, що вказувало на загальний рівень удосконалення матеріального виробництва в XII – XIII столітті. Важливим джерелом протогобалізації стали, безсумнівно, Великі географічні відкриття, найбільш значимі з них – відкриття Америки в 1492 р. Христофором Колумбом, досягнення португальських експедицій під керівництвом Васко да Гама і Фернана Магеллана, колонізація Америки конкістадорами і т. д. Даліше розвиток мореплавства, формування класических колоніальних імперій пов'язано в першу чергу з якісно новим рівнем розвитку виробничих сил, а відповідно необхідністю пошуку і боротьби за нові території, матеріальні і соціальні ресурси і ринки збуту. Апогеєм накопичуваних протистоянь описуваного процесу стала трагедія Першої світової війни.

Концентрація капіталу, формування нових монопольних об'єднань трестів, синдикатів, картелів, концернів яскраво оголюють контури формуючої глобалізації. Виникає новий світ, в якому транснаціональні корпорації, покладаючись на політичне лобі, все сильніше заявляють про себе як про нові фактори глобальної економіки, політики, а, відповідно, культури і ціннісної трансформації. В нашій постіндустріальній світі високі технології, економіка без державних меж, інформації і Інтернету, англійської мови і американського доллара створені всі необхідні передумови для акцентованого утвердження глобалізації як ключової домінуючої і рушійної подавляючої більшості процесів, притаманних сучасному світу. Всезростаюча залежність периферійних держав від передових країн світу, штучне розмиття меж, діяльність міжнародних фінансових інститутів на користь економічних інтересів сильних країн сьогодні породило глобалізм як економіко-політичну реальність XX – XXI ст. Хотілось би зазначити, що з нашого погляду, осмислення процесу глобалізації представляється можливим в закономірно – історичному контексті, а в відношенні глобалізму, як ми вважаємо, застосуємо тільки критичний підхід з виявленням подавляючого обсягу негативного.

Тепер розглянемо саме ціннісне зміст глобальної цивілізації, яке відповідає масі, загальному більшості, соціуму, пропитаному рекламно-потребительській есенцією, призначеною викликати невичерпуване почуття жадності отримання і користування. Сучасна конвеєрна машинна індустрія виробництва товарів і їх планетарного поширення робить можливим постійне змінювання зовнішнього вигляду реципієнта простору моди і сучасної естетики. В цьому випадку мова не йде про якийсь глобальний стандарт або зразок культури, навязуваному рекламно-технологіями, мова саме про ту ситуативну лінію, яка виробляється в відповідності з поточними маркетинговими завданнями. Функціонал предмету перестав бути його

конструктивной сущностной характеристикой. Отныне согласное большинство приобретает и пользуется тем, что носит актуальный сезонный характер. Как подмечает Е. Сурова «В современной культуре процесс производства привел к предельному изобилию «предметов быта». «Насыщение» создало прецедент тиражированности, множественности и сериальности, что позволило во многих случаях игнорировать функциональность как сущностность обыденных предметов, поскольку она стала восприниматься как само собой разумеющееся, в то время как ее существование оправдывали особенности дизайна. Исчезновение функциональной ценности вещи поставило ее на особое место в рамках взаимоотношения человека и мира» [4, с. 312]. Следует подметить, что подобные тенденции присутствуют также и в мире психоэмоционального культурного производства. Целые направления, к примеру, музыкального или изобразительного искусства уходят в небытие по истечении времени своего пользования. Они сливаются в утилит увлекая за собой вчерашних героев креатива, оказавшихся никому не нужными сегодня. Те ценности и идеалы, пафос утверждения которых имел кратковременное становление, трансформируются в совершенно новые формы прогрессивного вкуса пусть даже безвкусного по отношению к предшествующим образцам и стереотипам. Напрашивается небольшое обобщение, глобализация в ценностной связи – феномен, ускоряющий процессы глобальной культурной диффузии и культурной трансформации в социуме, репрезентующий и рассеивающий, в соответствии с конъюнктурно-рекламной линией, новые и новейшие формы, стандарты и образцы материального и духовного производства человека.

Ценностно-культурное сотворчество, контакты, заимствования, равно как и аксиологический диктат и деспотизм присущи человеческой цивилизации на протяжении всего ее существования. В эпоху постиндустриализма, когда информация и сетевые технологии вывели глобальный социум на качественно новый уровень транснационального коммуникативного контакта обмен идеями, знаками, символами, значениями, интерпретациями, всем тем, что является субъективно-ценностным и значимым, приобретает подавляющее значение в межкультурном диалоге и сотрудничестве. В этом смешиваемом соприкосновении побеждает та форма культуры, которая имеет наиболее массовый доступ к глобальным каналам ретрансляции и популяризации. Добавим к этому практические достижения и общий экономический успех данной формы и получаем в итоге готовый стандарт культурного мироощущения, отражающийся ярким огнем интереса в умах тех миллионов и миллионов, потребляющих обывателей, которые превратили Землю, посредством глобального транскомуникативного контакта, в планетарного масштаба деревню. Не секрет, что именно западная ценностно-культурная система мировоззренческих установок имеет наиболее массовое распространение в мировом сообществе, оппонировать ей, пожалуй, лишь традиционные государства и организации ортодоксального толка. Но и они, в той или иной мере пользуются достижениями западной цивилизации и пусть даже косвенно, но втянуты в ареал ее ценностно-культурного охвата. Описываемый выше процесс исследователь К. Соколов, в общем и целом трактует в конструктивно – положительном ключе, «Современная миссия культурной диффузии», замечает он, «свидетельствует, что она не утратила своего значения в культурной жизни народов поскольку, как правило, имеет положительные социальные последствия для любого общества. Передача культурных ценностей от одного народа к другому, а также из одного социокультурного слоя в другие ведет одновременно и к демократизации общества, и к просвещению населения» [6, с. 351]. Демократичность, информативность, лабильность, толерантность, гедонизм и культ телесности, стремление к комфорту, в некоторой степени конформизм, возникающий в пространстве информационного шума массовых ретрансляторов, культ материальных ценностей и успеха, направленность на себя как эгоцентристская разновидность индивидуализма, защита прав сексуальных меньшинств и тому подобные концепты и социальные практики, вот далеко не полный перечень ценностных ощущений, образцов, ориентиров и идеалов вестернизированного мира западной постиндустриальной культуры.

Ядром и стержневым остовом глобализационной конструкции является ее экономико-финансовая составляющая. Деньги, потребление, рентабельность, прибавочная стоимость – вот те главенствующие факторы глобализации, которые оказывают подавляющее влияние на основополагающие ценностные ориентиры современного человека. Обозначенные значения являются культурными агентами глобализации и в виду своей общепринятой социальной значимости и всевозрастающих возможностей в состоянии преобразовывать, консервировать или вообще подавать забвению те ценностные пласты духовного бытия человека, которые не вписываются в систему современных мотивирующих представлений. Марк Фишер в своем эссе «Капиталистический реализм» [7] указывает на то, что капитализм как движитель социокультурных глобализационных процессов «присваивает и потребляет всю предшествующую историю» [7, с. 15]. Он в состоянии подвергнуть финансовой оценке и ревизии все наличествующие в истории культурные достижения и поставив на них серийные номера, наделить их статусом мертвых экспонатов, не обладающих свойством диалога поколений и исторической назидательности. В таких условиях человек постмодерного мира выхвачен из контекста поступательного формирования исторической материи (опыта), если так можно выразиться. Весь идеализм, романтизм, жертвенность, героизм, эстетика, сентиментальность предшествующих эпох просто растворяются в системе новых ценностных представлений, краеугольным камнем которых есть стоимость, мера и ссудный процент. Мыслитель обращает внимание на то, что «Когда капитализм на самом деле наступает, он приносит с собой массивную десакрализацию культуры. Это система, которая более не управляется никаким трансцендентным законом» [7, с. 18]. Это современный деспот, доведший до совершенства методологию порабощения, хищник, гигантская планетарного масштаба анаконда, «чрезвычайно пластичное существо, способное поддерживать свой метаболизм в чем угодно и поглощать все, с чем оно соприкасается» [7, с. 18]. Постмодернистская культура при этом исполняет роль социального регулятора посредством иронического игнорирования безумно трагической ситуации, в которой человеческая субъективность оказалась зажатой в жестких тисках между собственной духовной глубиной и свободой и миром паразитирующей культуры, сводящим память об этой неисчерпаемости к увядающим всплескам некоего анамнезиса.

При всей тиражированности и некоей тривиальности культурного материала, в условиях коммерческого глобализационного всеохвата, глобализация является также масштабным механизмом апологии и распространения тех культурных артефактов и практик, которые смогли инфильтрироваться в специфику ее воспроизводства. Нередко это несет в себе все признаки конструктивного содержания. Возьмем к примеру деятельность китайского популяризатора и преобразователя традиционных боевых искусств, одного из самых популярных актеров XX ст. Брюса Ли (Ли Сяолун, Ли Чженьфань). Этот феноменальный человек, эмигрировавший в 1959 г. в США, и на первых порах подрабатывающий в ресторане посудомойщиком, смог в короткий период времени стать одним из самых известных мастеров кунг-фу и обрести всемирное признание посредством киноактерской деятельности. При этом кунг-фу, прибывая в состоянии маргинальной боевой системы, обрело живое дыхание эпохи и стало одной из самых трендовых и востребованных социальных практик в конце XX – начале XXI ст. Развивая этот пример, хочется указать на то, что шифу (учителем) Брюса Ли являлся легендарный мастер кунг-фу Ип Ман, вывивший обучение клановой и закрытой боевой техникой Вин Чунь (詠春 «Вечная весна») на уровень открытого преподавания и распространения. В дальнейшем, во многом благодаря кинодеятельности Брюса Ли, Вин Чунь превращается в поистине глобального масштаба спортивное течение, которым занимаются и по которому проводят соревнования в США и Европе миллионы последователей. Примечательно, что в самом Китае на сегодняшний день это традиционное искусство не вызывает такого массового спортивного интереса (оставаясь частью традиционной национальной культуры) если сравнивать его, к примеру, с рейтинговостью пинг-понга или футбола в КНР, что на наш взгляд является чистейшим примером западной культурной

експансії. Второе дыхание, в глобальной связи, Вин Чунь кунг-фу получает после выхода культовой биографической драмы и боевика «Ип Ман» (Гонконг, КНР, режиссер Уилсон Ип, 2008 г.) с потрясающим актером Донни Йеном в главных ролях <http://gidonline.in/film/i-man/>. Таким образом, благодаря описанному выше стечению обстоятельств, а также, несомненно, киноискусству и технологиям массовой ретрансляции конца XX ст. Вин Чунь, как культурный артефакт, завоевывает популярность планетарного масштаба, что особенно завораживает при внимательном всматривании в легенду-предание происхождения этого стиля. Речь идет о несостоявшемся полном уничтожении традиции кунг-фу монастыря Шаолинь в XVIII ст. после штурма его маньчжурскими войсками. Предание гласит о героической гибели всех монахов, кроме 5 уцелевших среди которых была монахиня Нгу Май Лао Ни ставшая впоследствии основателем описываемого боевого искусства [1; 5].

Влияние китайского кунг-фу, японского карате-до и дзю-до, индийской йоги и т.п. на европейскую ментальность и сознание, равно как и воздействие западных культурных практик джаза, рок и поп-музыки, хип-хопа, футбола, английского бокса и т.п. на мировосприятие восточного человека, демонстрируют своим сотрудничеством феномен глобальной культурной ассимиляции или некоей симфонии всеобщего смешения в консонансном и диссонансном звучании. Глобальный американско-европейский центризм, в этих условиях, сохраняет свой определяющий ценностно-ориентирующий статус, посредством технолого-мировоззренческого доминирования (рекреационно-досуговое пространство, массовая культура, Интернет и т.п.), но все-таки поддается процессу существенного купажирования собственной субстанциональной эссенции. На наш взгляд, невозможно охарактеризовать исчерпывающую совокупность отличительных свойств этого процесса в контексте его окончательной векторности, созидательности или разрушительности. Это наша заданность, наша объективная реальность, духовно-практический метаморфизм, который возникает исторически и интенсифицируется по мере технологического преобразования цивилизации.

Легитимное или так сказать открытое для научных дискуссий пространство глобализации в аспектах трансформации бытующих культурных форм, влияния коммерциализации на формирование массовой культуры, формирования мультикультурного общества и т.п., весьма плодотворно анализируется современными социальными философами, историками, социологами, экономистами, культурологами и т.д. При этом темными пятнами на Солнце остаются вопросы теневых социальных процессов связанных с глобализацией самым непосредственным образом и, конечно же, оказывающими влияние на процесс утверждения новых ценностных ориентиров постиндустриального мира. Это и мировая наркоторговля, и торговля оружием и самое, пожалуй, страшное явление современности – торговля людьми, то есть современное рабство, фактическое присутствие которого в нашей реальности не есть некое страшное повествование ускользающее корнями в историю или в действительность неблагополучных стран третьего мира. Современное рабство – феномен, охватывающий своим деструктивным существованием, практически все регионы планеты. Английский исследователь Кевин Бейлз предполагает, что на сегодняшний день в мире влекут свое жалкое рабское существование порядка 27 миллионов людей, при этом он подчеркивает, что его цифра явно занижена по отношению к небезосновательным данным некоторых правозащитников указывающих на цифру порядка 200 миллионов человек. Все эти люди по тем или иным причинам попали в жуткие условия современного социального насилия и часто не имеют даже ничтожного шанса каким-либо образом изменить свою судьбу. Автор также указывает на существование современных подпольных центров работорговли и подчеркивает, что именно «Одним из атрибутов процесса глобализации является продолжающееся закабаление людей и международная торговля рабами» [2, с. 6]. Рентабельно ли современное невольничество? Кевин Бейлз полагает, что рабство наших дней намного выгоднее архаического, так как предшествующая форма эксплуатации предполагала уход за малопродуктивными элементами (беременные женщины, больные, старики, дети), а ныне действующая относится к угнетенному как к «сменной детали», которая вполне заменима по мере выработки ее

производственного ресурса. «Новая рабовладельческая система присваивает экономическую ценность отдельных людей, принудительно удерживая их под контролем, но без оформления прав собственности и без какой-либо ответственности за их выживание» [2, с. 32]. Автор проводит аналогию, между описываемой системой и современным сотрудничеством развитых стран с бывшими колониями. Он говорит что, новое рабовладельчество «подражает мировой экономике, избегая прав владения и оформленного управления собственностью, сосредоточиваясь вместо этого на контроле и использовании ресурсов или процессов. Иными словами, это то же самое, что переход от владения колониями в XIX веке к экономической эксплуатации тех же самых стран сегодня без расходов и без проблем, связанных с поддержкой этих колоний. Межнациональные компании сегодня делают то же самое, что делали европейские империи в XIX веке, – эксплуатируют национальные ресурсы и используют преимущества дешевой рабочей силы, но избегают необходимости управлять всей страной целиком» [2, с. 31-32]. Следует задаться вопросом, оказывают ли миллионы людей, задействованных в явь рабского существования и рабской эксплуатации, влияние на общечеловеческую парадигму постиндустриального ценностного мироощущения? На наш взгляд однозначно да, потому как физическое, политико-экономическое и экзистенциальное (возникающее в пространстве действия манипуляционных ретрансляторов) мироощущение тотальной несвободы является духовной тревогой и творческим переживанием немалой плеяды зиждителей современного культурного пространства.

В размышлениях над шокирующей реальностью, описываемой в книге Кевина Бейлза «Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике» [2] невольно рождается вывод о том, что сущностным ядром современного прогресса является технологическая модернизация нашего мира, которая совершенно спокойно сосуществует с деспотическим мироощущением присущим варварским, в контексте нравственности, цивилизациям. Как справедливо констатирует французский метафизик Р. Генон, произошло количественное, а не качественное преобразование нашего мира, без соответствующего духовного подъема, что скорее свидетельствует об общем упадке цивилизации, нежели о эволюционировании в некое прогрессивное состояние. Что-то поистине неподдающееся описанию происходит в глобальном сознании человека, в котором война, эксплуатация и манипулирование людьми, техногенное подавление биосферы есть обыденность и это при том, что в мире, исповедующими веру во Всевышнего, являются 3 миллиарда христиан, 1,5 миллиарда мусульман и сотни тысяч представителей индуизма, буддизма, иудаизма и других религий. В свете вышесказанного заключим, что вопрос конструктивно-содержательной ценностной трансформации постиндустриального сообщества является главенствующим вопросом выживания и обретения устойчивости современного мира. Пожалуй, пришло время его возвышения на уровень общепланетарного дискурса, выходящего за пределы этнонациональных, государственных и религиозных констант.

В завершение статьи проведем небольшое обобщение. Глобализация – объективный исторический процесс, формирующийся в соответствии с модернизацией и трансформацией производственных сил и социокультурных практик человеческой цивилизации. Общее влияние глобализации проявляется в искусственном размытии границ и формировании некоего культурно-ценностного стандарта и общепринятого образца, каковой, в свою очередь, конструируется теми государствами, уровень контроля которых над массовыми ретрансляторами является доминирующим. Речь идет преимущественно о западной цивилизации. Глобализация обладает конструктивным и деструктивным ценностным ресурсом возможного развития постиндустриального сообщества. На примере популяризации и распространения в мире восточных боевых искусств, а также популяризации западных социальных практик на востоке, проявляется положительное содержание глобализации. Политическое же, физическое или психоэмоциональное подавление свободы и реальная эксплуатация людей (рабство, кредитная система, низкие социальные стандарты) свидетельствуют о небезопасных тенденциях современности. Ценности постиндустриального

мира, в условиях ускорения информационных процессов, являются некими индикаторами созидательности и устойчивости всей существующей системы. Исходя из сказанного, тема, рассматриваемая в статье, обладает приоритетным актуальным статусом в поле плюральности современных социально-философских рефлексий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Асташев И. В. Вин Чун Куен Пай. Вьетнамская линия. Фундаментальные основы / Игорь Владимирович Асташев. — Одесса: КП ОГТ, 2013. — 189 с.
2. Бейлз К. Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике / Кевин Бейлз. — М.: Новый хронограф, 2006. — 304 с.
3. Идентичности и ценности в эпоху глобализации / [Пахомов Ю. Н. Брожик Л. Л. Гальчинский А. С. и др.]; под ред. Академика НАН Украины Ю. Н. Пахомова и профессора Ю. В. Павленко. — К.: НАУКОВА ДУМКА, 2013. — 603 с.
4. Культура на рубеже XX – XXI веков: глобализационные процессы. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 632 с.
5. Лю В. Вин Чунь. Книга первая / Вейхань Лю [пер. с кит.]. — Харьков: Спорт-пресс, 2002. — 128 с.
6. Соколов К. Б. Глобализация: История, современность и искусство / Константин Борисович Соколов. — М.: Государственный институт искусствознания, 2012. — 444 с.
7. Фишер М. Капиталистический реализм / Марк Фишер [пер. с англ. Д. Кралечкина]. — Ультракультура 2.0, 2010. — 144 с.
8. Шапиро Р. Прогноз на будущее / Роберт Шапиро [пер. с англ. М. Жуковой]. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 537 с.